

Гражданская война: выбор офицеров

События Гражданской войны в России 1917–1922 гг. имели свое человеческое, личностное измерение, поскольку та эпоха связана с радикальным сломом старого и строительством нового, с бескомпромиссностью и жестокостью, с необходимостью делать выбор, который будет в дальнейшем влиять на всю жизнь человека и его окружения, причем нередко это был выбор без выбора. Поэтому наш разговор пойдет не о глобальных процессах, а о том, чем закончилась Гражданская война для, в общем-то, обычных людей.

Революционный слом затронул все российское общество, но одной из наиболее пострадавших групп было офицерство¹. В этой связи интересно проанализировать выбор и проследить его последствия для тех, кто, имея общее прошлое, оказался по разные стороны баррикад в Гражданскую войну.

Три офицера

Перед нами жизненные истории трех человек, сделавших в 1917–1918 гг. различный выбор, предопределивший их дальнейшую судьбу. Это не просто их личные истории. Таких людей или людей с похожими судьбами было много. Разумеется, много и иных судеб. Но в данном случае можно говорить предметно и достаточно подробно, зная детали биографии каждого.

Итак, перед нами три офицера – участника Гражданской войны: Андрей Евгеньевич Снесарев², Виктор Иванович Оберюхтин³ и Всеволод Николаевич Петров⁴. Кто эти люди? Прежде всего, это три генштаби-

ста, т. е. выпускники Николаевской военной академии – элитного высшего военного учебного заведения, «кузницы кадров» высшего командного состава императорской армии.

Самым старшим из них был Снесарев, он родился в 1865 г. в семье священника Воронежской губернии. К октябрю 1917 г. имел чин генерал-лейтенанта. Петров родился в 1883 г. в семье дворянина Киевской губернии и ко времени большевистского переворота был полковником. Петров являлся потомком обрусевших шведов и норвежцев, живших на территории Малороссии. Его прадед попал в русский плен как раз во время Северной войны и в честь царя Петра получил фамилию Петров. Самым младшим был Оберюхтин 1887 г. рождения, появившийся на свет в большой семье канцелярского служителя Вятской губернии. В 1917 г. – подполковник.

Снесарев активно стремился к образованию. Он окончил с серебряной медалью гимназию, с отличием физико-математический факультет Московского университета, защитил диссертацию «Исследование бесконечно малых величин», прошел годичный курс Московского пехотного юнкерского училища. За выдающиеся успехи имя будущего генерала попало на мраморную доску училища. Затем Снесарев окончил академию Генерального штаба, но на этом не остановился, позднее окончил практическую Восточную академию и вдобавок обучался вокалу у знаменитого тогда оперного певца И.П. Прянишникова. Даже по нынешним временам Снесарев обладал нетипичным образованием, а для своей эпохи оно считалось выдающимся.

Петров обучался во Владимирском Киевском кадетском корпусе, Павловском во-

Андрей Владиславович Ганин – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

енном училище и также в академии. В начале своей офицерской карьеры он несколько лет прослужил в гвардии, что наложило определенный отпечаток на его личность. С молодых лет он увлекался гимнастикой и фехтованием.

Оберюхтин получил домашнее образование, окончил Нолинское городское училище (учился три года), Воткинское окружное училище (учился четыре года), два из четырех классов Ижевской оружейной школы (ушел из старшего класса из-за отсутствия средств на обучение) и Казанское пехотное юнкерское училище. Академию он окончил по 1-му разряду в последнем выпуске перед Первой мировой войной, причем за отличные успехи в науках был награжден орденом Св. Станислава III степени и удостоен первой премии имени генерала Леонтьева за лучшую стратегическую работу.

Снесарев принадлежал к той плеяде офицеров Генерального штаба, на становление которых повлиял поворот политики и идеологии России на Восток, рождение ориентализма. Присоединение Туркестана, влияние романтики выдающихся путешественников и открытий в Азии, связанных с именами Н.М. Пржевальского, П.П. Семенова-Тян-Шанского и других. Он знал, по разным данным, от 11 до 14 иностранных языков. Неудивительно, что среди друзей Снесарева оказался другой видный военный востоковед и разведчик – будущий лидер Белого движения генерал Л.Г. Корнилов. И Корнилову и Снесареву посчастливилось совершить ряд путешествий по Азии и сделать важные наблюдения, стать активными участниками Большой игры – противоборства великих держав (России и Великобритании) в Азии. Снесарев побывал в Индии, в Афганистане, на Памире и Тибете, в Восточной Бухаре, три месяца работал в Британском музее в Лондоне. Как военный востоковед Снесарев приобрел международную известность еще до революции. Он был членом Императорского Русского географического общества, председателем среднеазиатского отдела Императорского общества востоковедения, участвовал в международном конгрессе ориенталистов в Копенгагене в 1908 г.

Все трое участвовали в Первой мировой войне и достойно себя проявили. Больше всех боевых наград было у Снесарева: Георгиевское оружие, ордена Святого Георгия IV и III степеней. Снесарев занимал должности начальника штаба дивизии, командира пехотного полка, начальника дивизии и командира корпуса. Петров и Оберюхтин были награждены Георгиевским оружием. Петров дослужился до должности начальника штаба дивизии, Оберюхтин – до начальника отделения штаба фронта. В общем, их карьеры складывались вполне нормально.

Момент выбора

После большевистского переворота наступил момент выбора дальнейшего пути.

Подробнее всего этот сюжет известен про Снесарева. Друг мятежного генерала Корнилова, возглавившего Белое движение на Юге России, Снесарев отнюдь не стремился в Красную армию. В конце 1917 г. он предусмотрительно уехал на свою малую родину в Острогжск Воронежской губернии, откуда наблюдал за событиями в стране, максимально оттягивая момент выбора между сторонами разворачивавшейся братоубийственной войны. И все же в мае 1918 г. оказался в Красной армии.

Скупые строки личного дневника донесли до нас сомнения и тревоги генерала весны 1918 г. В апреле 1918 г. от одного из первых советских военных специалистов (военные специалисты – это специальный эвфемизм для обозначения бывших офицеров в Красной армии во избежание эксцессов), бывшего генерала М.Д. Бонч-Бруевича, Снесарев получил приглашение приехать в Москву. Он согласился, чтобы выяснить обстановку. Но по приезду стало ясно – отказаться от службы у красных уже не получится. В начале мая, получив приказ ехать в Царицын, Снесарев записал в дневнике: «На душе неважно, втянулся в историю, несомненно... хорошие решения приходят при хорошей обстановке, а у меня что-то в машине “сошло с шурупов”».

Тем временем в стране разгоралась Гражданская война. Пытаясь избежать вовлечения в братоубийственную бойню, не желая сражаться с товарищами по прежней

службе, Снесарев обратился с письмом к Бонч-Бруевичу, но ничего не добился. Как офицер-государственник, по взглядам Снесарев был близок руководителям белых армий и при ином стечении обстоятельств мог оказаться в рядах противников большевиков. Тем более что дружил с Корниловым (последний даже заочно стал крестным сыном Снесарева). Возмущение Снесарева вызвала германская оккупация Украины. Как и основной массе бывших офицеров, Снесареву были присущи националистические взгляды, что до некоторой степени препятствовало его работе с Л.Д. Троцким и другими представителями новой власти, не имевшими русских корней.

День ото дня размышления бывшего генерала становились все тревожнее. В связи с отъездом в Царицын 22 мая 1918 г. в дневнике появилась запись: «Тоска страшная, так и сосет. Правильно ли я делаю, на верный ли я стал путь? Я полон сомнений и хожу из угла в угол; мысли нервны и кружатся бестолковым ходом. Ехать не хочется».

Возможный ответ на вопрос о мотивах принятого тогда решения содержит раннее письмо Снесарева сестре, написанное осенью 1901 г., с цитатой отцовского поучения: «Папа говорил: “нет места, на котором нельзя было бы принести пользу”... я много читал на белом свете, но мудрее этого не вычитал...» Руководствуясь этим девизом, и в лагере красных Снесарев стремился приносить пользу Родине, а не режиму. Особого выбора, по сути, не было. Отъезд за рубеж Снесарев считал для себя невозможным по нравственным причинам. Еще 14 марта 1918 г. он написал брату по поводу идеи последнего бежать за границу: «Но с кем же страна останется, и что с нею будет?». Этот выбор, как и противоположный ему, имел для современников российского излома свою высокую цену.

Полковник Петров в 1917 г. встал на путь украинизации. Состоял членом украинской Рады в дивизии и корпусе и командовал сводным украинским отрядом. В ноябре 1917 г. в Минской губернии он сформировал из украинских частей фронта полк численностью до 500 казаков и офицеров, вместе с которым, пройдя через Пинские болота, в декабре прибыл в Киев, где при-

нял участие в борьбе с большевиками, в том числе в знаменитых боях за киевский Арсенал. Здесь, в боевых порядках, он познакомился с одним из лидеров украинского национального движения, командиром гайдамацкого коша Слободской Украины С.В. Петлюрой, что сыграло определяющую роль в последующей карьере Петрова. По свидетельствам сослуживцев, Петров отличался энергичностью и храбростью, хорошо проявил себя в боях, иногда даже сражался как рядовой с винтовкой в руках. Социалистические убеждения Петлюры оказались близки Петрову, который был одновременно и украинским националистом и сторонником левых взглядов. В итоге всю Гражданскую войну Петров прослужил в различных украинских формированиях. Столь преданных украинской идее представителей касты генштабистов были единицы. Неудивительно, что Петров вскоре оказался в руководстве украинской армии, хотя и не был украинцем по происхождению.

Сложнее всего обстояло с выбором у Оберюхтина. В феврале 1918 г. он находился на лечении в минском госпитале. Тогда в результате наступления немцы захватили Минск, и Оберюхтин попал в плен, где содержался до июля 1918 г. По возвращении из плена он попал в Москву, откуда отправился в Казань к семье, а также к эвакуировавшейся туда Военной академии, в которую получил назначение. Однако военным специалистом Красной армии он пробыл всего несколько дней.

Присоединившись к академии, Оберюхтин разделил судьбу этого военно-учебного заведения. Уже 7 августа 1918 г. Казань была взята чехословаками и Народной армией Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча). Оберюхтин вместе с другими преподавателями, представителями администрации академии и слушателями оказался в антибольшевистском лагере. Впоследствии, вновь попав к красным, он выдавал свой переход к противникам большевиков за пленение (более того, утверждал, что был под следствием за службу у красных, хотя документов на этот счет не обнаружено), что не соответствовало действительному развитию событий.

Думается, служба у белых соответствовала убеждениям офицера. Примерно через месяц он писал начальнику академии генералу А.И. Андогскому: «Нам приходится рассчитывать лишь на свои и чешско-словацкие силы. Это к тому же выгодно для нас. Конечно, возрождение наше требует общих чрезвычайных мер и средств, усилий и воли. Не знаю, хватит ли всего этого, а главное, организации... Стратегическая обстановка балансирует пока довольно удачно для нас... В деревне – темнота. Все это глубоко печально. Выходит, что кучка офицерства с мелкой интеллигенцией дерется на фронте, гибнет, истекает кровью, нищенствует, а за их спинами – шкурничество, спекуляция, животный страх и алчность...

Лично у меня – горе большое. В конце августа в боях с большевиками под Казанью убит родной брат – офицер.

За 3 года командования ротой в полку на войне уцелел, а тут пал в первом же бою. Осталась жена с ребенком в Казани. Муж убит, а ей, конечно, никто не поможет – такова судьба каждого из нас, офицера и его семьи! О судьбе трех других братьев, также находящихся в строю под Казанью – сведений не имею». Итак, братья Оберюхтины служили у белых, причем один из них погиб. Месть за погибшего брата могла быть весомым мотивом для участия в дальнейшей борьбе с красными.

Братоубийство

Снесарев, превратившись в военспеца, занял пост военного руководителя Северо-Кавказского военного округа и стал одним из организаторов обороны Царицына. Царицынский период, продолжавшийся до августа 1918 г., оказался, пожалуй, наиболее ярким и драматичным в биографии Снесарева. Как известно, в Царицыне летом 1918 г. видную роль играл И.В. Сталин, направленный туда в качестве общего руководителя продовольственного дела на Юге России, наделенного чрезвычайными полномочиями.

Сталину военспецы не нравились. Порой не без оснований он подозревал их в контрреволюции и саботаже. Ситуация усугублялась тем, что контрреволюционе-

ры были и в ближайшем окружении Снесарева. Таким оказался начальник штаба округа, бывший генерал А.Л. Носович, который осенью 1918 г. бежал к казакам, захватив в плен комиссара и угнав автомобиль. Разумеется, подобное окружение Снесарева провоцировало подозрения и даже репрессии. В конечном счете Сталин избавился от Снесарева, хотя тот служил добросовестно. Это необычного сотрудничества со Сталиным еще долго преследовало бывшего генерала. После того, как в СССР начали переписывать историю Гражданской войны, прославляя Сталина, Снесарев оказался нежелательным свидетелем подлинной истории. Не случайно сохранившийся за другие периоды бесценный дневник бывшего генерала за царицынские месяцы в семье безжалостно уничтожили.

Тем временем Петров строил карьеру на Украине. Его карьерный взлет пришелся на 1919 г. – он командовал группой войск, а затем на несколько месяцев стал военным министром Украинской народной республики. На этом посту Петров многое сделал для того, чтобы усилить украинскую армию. В 1920 г. Петрова в 37 лет произвели в генеральский чин, в 1921 г. он стал начальником украинского Генерального штаба, а летом 1922 г. уволился в запас. Ни происхождение, ни русская фамилия, ни служба в гвардии не способствовали инкорпорированию Петрова в среду украинских националистов. В результате его стремление в карьерных целях подчеркнуть свою украинскость, отрестить от всего русского стало откровенно анекдотичным и неискренним.

Оберюхтин стал генералом в 31 год. Его карьерный взлет произошел при Колчаке. Тогда Оберюхтин сработался с генералом К.В. Сахаровым, который забрал его с собой на фронт. Меняя вместе с успешным в карьерном продвижении Сахаровым должность за должностью, Оберюхтин за несколько месяцев дорос до высших постов в колчаковской военной машине – стал начальником штаба главнокомандующего Восточным фронтом белых, а затем, уже в период агонии колчаковского фронта, на трое суток оказался колчаковским главкомом.

В начале 1920 г. под Красноярском Оберюхтин считал для себя невозможным про-

должать борьбу и уходить в тайгу. С большой группой старших офицеров он сдался в плен красным. После почти года мытарств по тюрьмам и лагерям Сибири он был амнистирован и откомандирован в Москву, во второй раз попав на службу в Красную армию. В Москве Оберюхтин устроился в академию Генерального штаба РККА, которую тогда возглавлял другой наш герой – Снесарев.

Военная педагогика была настоящим призванием последнего. В Гражданской войне Снесарев участвовать не стремился и уже осенью 1918 г., вскоре после участия в обороне Царицына, оказался в главе советских войск, действовавших против внешнего врага – немцев и поляков, после чего летом 1919 г. и вовсе перешел на тыловую службу – возглавил красную академию Генштаба, организованную с нуля после предательства старой академии. Как востоковед Снесарев выступил одним из создателей восточного отделения академии, готовившего кадры для будущей советизации стран Востока.

Судьбы

В результате Гражданской войны связавший свою судьбу с украинским движением Петров оказался в эмиграции. Бывший гвардейский офицер стал именовать себя вместо Петрова Петрівым и ходил в вышиванке. В работах Петрова проскальзывает неприкрытая ненависть ко всему русскому, т. е. к тому, что окружало Петрова до 1917 г., когда он никак не демонстрировал свою приверженность идеалам украинского национализма. Петров «в своей ненависти, кажется, не знает границы», – писал о нем один из украинских офицеров. Гражданскую войну Петров расценивал не иначе, как борьбу двух разновидностей москалей – белых и червонных. Петров по-прежнему увлекался гимнастикой, участвовал в сокольском движении, занимался преподавательской работой и много печатался, работал над военно-научными, военно-историческими трудами, воспоминаниями, занимался публицистикой. Одной из своих задач Петров видел подготовку к новой вооруженной борьбе за интересы Украины. С началом Великой Отечественной войны эта работа активизировалась.

Дочь Петрова Злата, не имевшая около двух десятилетий вестей от отца, открыто радовалась приходу немцев и писала отцу из Киева 13 ноября 1941 г.: «Хотя сегодня тяжело приходится, но сознание того, что мы уже избавились от опеки “родного отца Сталина” так окрыляет к новой жизни и новой работе, что сердце бьется от счастья и хочется работать и работать на пользу нашей обновленной Неньки Украины». Генерал Петров разделял ее радость. В годы Второй мировой Петров в качестве военного министра вошел в состав украинского правительства, провозглашенного летом 1941 г. ОУН С.А. Бандеры во Львове. Петров возлагал большие надежды на гитлеровскую Германию, принимал активное участие в переговорах с нацистами. В то время в эмигрантских кругах Петрова прочили на пост главы украинского правительства. В октябре 1941 г., когда немцы были под Москвой, он поспешил в одной из украинских газет, выходивших в Польше, написать о том, что поражение СССР в войне является историческим фактом. Петров прямо заявлял: «Москва, сунувшаяся в Европу после победы под Полтавой над северным вождем Карлом XII и его союзником нашим гетманом Мазепой, ныне отброшена фюрером Великой Германии далеко от влияния на европейскую жизнь, и нужно верить, что навсегда». Генералу очень хотелось верить, что украинцы еще во времена Мазепы осознали угрозу, которую несла человечеству Россия, и боролись с ней уже тогда, а теперь эту миссию выполняет нацистская Германия. Москва, полагал Петров, приняла на себя духовное наследие азиатских орд, ее историческое предназначение – «дух разрушения, жажда истреблять и резать, – вот что характеризует ее в ходе столетий, за все время ее существования». Неудивительно, что примерно в этот период Петров писал о поддержке большевиков со стороны мирового еврейства.

Ознакомление с некоторыми публикациями Петрова оставляет впечатление едва ли не животной, болезненной русофобии. Кажется, перед нами не представитель военной элиты дореволюционной России, получивший там и воспитание, и возможность сделать блестящую карьеру, а какой-то

средневековый варвар. При этом позиция Петрова не вызвала ни возмущения, ни удивления в среде украинской эмиграции. Однако ненависть – плохой советчик, и генерал Петров в своих суждениях эпохи Второй мировой жестоко просчитался. В конце войны ему пришлось бежать в западную Германию, чтобы не попасть в плен не пожелавшей остаться на европейских задворках Красной армии. Спустя три года Петров с осознанием полного крушения всех надежд умер в беженском лагере Регенсбург в Западной Германии.

Однако вернемся в СССР, где в 1920-е гг. вместе работали в академии недавний белый генерал Оберюхтин и военспец РККА, «красный генерал» Снесарев. Положение бывших офицеров в СССР, какими бы выдающимися они ни являлись, оставалось крайне сложным. Окруженные недоверием, они все чаще замыкались в узком кругу старых товарищей. Разумеется, за такими компаниями тщательно следило ОГПУ. С именем Снесарева связаны георгиевские вечера – неформальные встречи георгиевских кавалеров в день Св. Георгия 26 ноября (9 декабря) с застольями и возлияниями, когда «бывшие» надевали заслуженные в боях «белые крестики» и вспоминали прежние времена. Разгоряченные спиртным, они порой нелестно отзывались о советских порядках.

В 1930 г. материалы об этих встречах легли в основу обвинений целой группы офицеров старой армии, арестованных по делу всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна». Арестован был и Снесарев, приговоренный к расстрелу. В конце 1980-х гг. на одном из западных аукционов на продажу выставили необычный лот. Это был листок бумаги с краткой запиской: «Клим! Думаю, что можно было бы заменить Снесареву высшую меру 10-ю годами. И. Сталин». После этой записки Сталина ученый попал в Свирлаг, где сидел вместе с выдающимся отечественным философом А.Ф. Лосевым. Жить приходилось в палатке, даже зимой, работать сторожем, грузчиком, водоносом. Так страна разбрасывалась имевшимся бесценным интеллектуальным потенциалом. Для уже немолодого ученого

арест и пребывание в тюрьмах и лагерях стали тяжелым испытанием, подорвавшим его здоровье и сократившим годы жизни. Через три года, в разгар Большого террора, когда один за другим безвозвратно исчезали его друзья и сослуживцы, он умер в московской больнице, оставив после себя большую семью из шестерых детей. Похоронен Снесарев в Москве, на Ваганьковском кладбище.

Статус бывшего белого офицера постоянно преследовал Оберюхтина на протяжении нескольких десятилетий. Служба его складывалась в целом благополучно, высокие аттестации ему давали такие видные деятели РККА, как Б.М. Шапошников, Р.П. Эйдеман, И.Э. Якир. Однако в 1926 г. сотрудники ОГПУ склонили георгиевского кавалера Оберюхтина к негласному сотрудничеству, вынудив доносить на сослуживцев и тем самым растоптав его человеческое достоинство. В традициях русской армии это считалось тягчайшим грехом («не фискаль»). Возможно, это сотрудничество позволило Оберюхтину избежать в начале 1930-х гг. ареста по делу «Весна», хотя показания на бывшего колчаковского генерала у ОГПУ имелись.

В 1935 г. Оберюхтину присвоили звание полковника. В августе 1938 г. его арестовали, но осенью началось свертывание массовых операций НКВД, что спасло арестованному жизнь. В июне 1940 г. он был осужден на 8 лет исправительно-трудовых лагерей и направлен в Карагандинский лагерь МВД СССР (Карлаг). Срок считался с даты ареста. Прошли через аресты и братья Оберюхтина. Известно, что одного из них расстреляли.

Бывший колчаковский генерал и военный профессионал просидел всю войну в лагере и вышел на свободу в августе 1946 г. Поселился в Вольске Саратовской области, где ввиду отсутствия работы по специальности устроился фильтровальщиком на насосной станции. Сослуживцев поражал водопроводчик, пытавшийся заниматься наукой, писать военно-научные труды, за что получал замечания начальства.

В 1949 г. начались массовые аресты бывших политзаключенных. По прежним делам эти люди осуждались на ссылку, стано-

ваясь так называемыми «повторниками». Не избегал подобной участи и Оберюхтин. Он был арестован и сослан в Красноярский край, где за тридцать лет до того сдался в плен красным, предрешив свою судьбу. До сих пор о его биографии после 1950 г. известно не было, считалось, что он умер в лагерях. Однако мне удалось восстановить его настоящую судьбу. В ссылке до 1955 г. Оберюхтин работал лесорубом. Освободившись, переехал на Украину, поскольку не был реабилитирован и не мог жить в Москве. После того, как прошла реабилитация, вернулся в Москву, где и умер в августе 1963 г., пережив остальных. Похоронен, как и Снесарев, на Ваганьковском кладбище.

В общей сложности Оберюхтин провел в тюрьмах, лагерях, ссылках около четырнадцати лет, в том числе занимаясь тяжелым физическим трудом. К этим по сути вычеркнутым из его жизни годам следует прибавить несколько лет прозябания в маленьких городках, где он был лишен возможности работать по специальности, знакомиться с интересовавшей его военной литературой, находясь вдали от привычного круга общения.

Уроки

Когда началась революционная ломка, пришло в движение все российское образованное общество. Люди делали свой выбор, исходя из множества обстоятельств и факторов. Кто-то строил карьеру, кто-то просто выживал. Генерал Петров, связавший свою жизнь с украинским национальным движением, сделал впечатляющую революционную карьеру, достигнув нескольких высших военных постов не будучи даже этническим украинцем. На Украине он считается героем. Выходят сборники его статей, а биография Петрова издана в серии «Украинские государственники». Для нас же он враг и предатель, служивший нацистам, отрекшийся от самого себя и своего народа, потерявший человеческое достоинство.

Генералы, оставшиеся на Родине, вынесли всю тяжесть и несправедливость карающей руки Советской власти, порой были вынуждены идти на сделки с совестью, многие годы провели в тюрьмах и лагерях.

Генерал Оберюхтин, делая выбор в Гражданскую войну, явно ориентировался на свою малую родину, Воткинский завод, ставший центром крупного антибольшевистского восстания. Фактически вся его семья воевала за белых. У белых Оберюхтин за год с небольшим по стечению обстоятельств дослужился до высших военных постов. Сдавшись в плен красным, долгие десятилетия носил клеймо бывшего белого и подвергался преследованиям. Генерал Снесарев попал к красным по стечению обстоятельств в результате долгих колебаний, и не испытывая ненависти к прежним товарищам за линией фронта. Однако служил Снесарев добросовестно. Впоследствии прошел через арест и расстрельный приговор, замененный по прихоти Сталина лагерным сроком. На допросах был вынужден дать признательные показания на товарищей по службе.

Сегодня сложно судить тех людей, оказавшихся в непростых жизненных обстоятельствах. Чей выбор оказался правильнее? Кто сделал лучшую карьеру и преуспел? Кто в большей степени сохранил человеческое достоинство? А кто ради успеха или в целях выживания был готов переступить через все? У советского писателя Б.А. Лавренева (в прошлом офицера Добровольческой армии и военного специалиста РККА) есть повесть «Седьмой спутник», по которой был снят одноименный художественный фильм. Главный герой, бывший генерал и военспец РККА Е.П. Адамов, попав в плен к белым, отказывается у них служить. Осознавая, что подписывает себе смертный приговор, на вопрос белого офицера о том, кто же он, если не большевик, объясняет свою и других бывших офицеров роль в революционных событиях следующими словами: «Вы этого не поймете... не сможете понять... Когда огромное тело пролетает в мировом пространстве, в его орбиту втягиваются малые тела, даже против их воли. Так появляется какой-нибудь седьмой спутник...» И в этих словах много исторической правды. Тектонический революционный сдвиг столетие назад затронул всех, меняя судьбы и жизни, а последствия тех масштабных перемен мы ощущаем до сих пор.

Ключевые слова: Гражданская война в России, офицерский корпус, Генеральный штаб, А.Е. Снесарев, В.И. Оберюхтин, В.Н. Петров.

Keywords: The Russian Civil war, officer corps, General staff, A.E. Snesev, V.I. Oberukhtin, V.N. Petrov.

Примечания

¹ Подробнее см.: Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., 2019.

² Подробнее о А.Е. Снесареве: Снесарев А.Е. «Вся Россия – больна...». Из дневника 1918–1919 гг. // Московский журнал. 1996. № 8. С. 37–48; Он же. Дневник: 1916–1917. М., 2014; Он же. Москва – Царицын. Из дневника 1918 г. (май) // Московский журнал. 1996. № 2. С. 52–56; № 3. С. 42–51; Он же. Письма с фронта: 1914–1917. М., 2012; Андрей Евгеньевич Снесарев (жизнь и научная деятельность). М., 1973; Басханов М.К. «У ворот английского могущества». А.Е. Снесарев в Туркестане 1899–1904. СПб., 2015; Воронцов А. В дни смятения и распада // Московский журнал. 1996. № 2. С. 2–7, 50–51; Ганин А.В. Смоленский дневник Снесарева // Родина. 2013. № 9. С. 115–119; Он же. Командарм Андрей Снесарев: ария восточного гостя // Родина. 2016. № 1. С. 36–39; Он же. «Клим!..

Можно было бы заменить Снесареву высшую меру...» Выдающегося военного ученого и отца шестерых детей сделали главой военного заговора в Красной армии // Родина. 2018. № 3. С. 122–125; Он же. Военный руководитель Северо-Кавказского военного округа А.Е. Снесарев и военные специалисты Красной армии в 1918 г.: по материалам личного архива белого агента А.Л. Носовича // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб., 2018. С. 253–276; и др.

³ Подробнее о В.И. Оберюхтине: Ганин А.В. «Я имел одну вину – службу у белых...» Судьба временного главнокомандующего армиями Восточного фронта белых генерала В.И. Оберюхтина // Россия в эпоху великих потрясений: Научный сборник к 50-летию А.С. Кручинина. М., 2018. С. 219–352.

⁴ Подробнее о В.Н. Петрове: Всеволод Петрів. Військово-історичні праці. Спомини. Київ, 2002; Он же. Військово-історичні праці. Листи. Київ, 2004; Ганин А.В. Генерал-хорунжий Всеволод Петров и изучение истории Северной войны в украинской военной эмиграции // Северная война и Приднестровье: история и современность. Тирасполь, 2010. С. 40–52; Сергійчук В. Українські державники: Всеволод Петрів. Київ, 2008.

Зарубежная история

Самые странные законы прошлого и настоящего

Во Франции нельзя свиньям давать кличку Наполеон. Этот закон запрещает называть именами глав государств домашнюю скотину, так как это считается оскорблением не только личности, но самого государства. С 2013 г. это квалифицируется как уголовное преступление.

В Австралии тоже существует один противоречивый закон - нельзя сильно напиваться в пабах. Если же вы сильно опьянели, то будете немедленно оштрафованы. И штраф, который вы заплатите, будет совсем не маленьким. Также нельзя в Австралии ходить в воскресенье в шортах розового цвета.

Британцам по закону запрещено умирать в здании парламента. Это очень старый закон. Он появился в 1313 г. Если же вы случайно умрете в Парламенте, то вас должны похоронить за счет государства. Когда пойдете туда на экскурсию, то не вздумайте умереть!

Бельгийский закон запрещает кидаться снежками в людей. У бельгийцев снежок приравнивается к камню. За это развлечение вас могут оштрафовать на 100 евро.

<http://history-doc.ru/>